Вырезка из газеты

КОМСОМОЛЕЦ
КУБАНИ

3 ДЕК 1987

г. Краснодар

Штрихи к портрету

Без плаща и шпаги

Герой этих заметок — актер. Один из тех, кого обычно называют ведущими, известными широко зрителю или попросту — любимыми. Имя его — Станислав Гронский. Место работы вот уже более двадцати лет — Краснодарский театр драмы имени М. Горького.

ДЛЯ НАЧАЛА будет небезынтересно послушать, что говорят о нашем герое — человеке неоднозначном, ершистом — его коллеги (а говорят разное и по-разному: и с улыбкой, и доброжелательно, и с недоумением). — Например, говорят так: — Жить нормально, как люди, он не умеет и никогда не умел. (Вот тебе и герой!).

Или так:

— Ну, казалось бы, чего выдумывать что-то там этакое... Играл себе! Ведь дают роли, не обходят вниманием... Ну, чего ради нервы свои за здорово живешь тратьешь?.. (А он выдумывает. А он тратит. Спектакли в ТЮЗе ставил. С «трудными» подростками возился.)

И так еще:

— Сколько его помню — все воюет. (Да, воюет. Рекомендует. Устраивает. Помогает. Протестует. Доказывает. Засучив рукава, делает дело. Любимое. Наглавейшее.)

А с чего все началось?

Обратимся к истокам его актерской биографии. Почти три десятилетия назад Станислав Гронский впервые вышел на профессиональную сцену в Астраханском ТЮЗе. И впервые познал, что есть успех. Кого и что только не переиграл он в те прекрасные, забываемые шестидесятые! В «Коварстве и любви» он был Фердинандом, в «Жизни и преступлении Антона Шелесова» — Антоном, в «Рассудите нас, люди» — Вадимом, сыграл Юлиуса Фучика и многие другие роли, созвучные времени, зовущие в мир тревог и сомнений. Герои Станислава Гронского, увлеченные, ошибающиеся, трепетные, презрев бытовую мелочность, жили жизнью возвышенной, звали за собой, являли пример не накопительства, не корысти, не холодного расчета, но самоотверженности!

Кстати сказать, подобный герой, зовущий к свершению, жертвующий собой во имя других, во имя вечных идеалов добра, и в драматургии последних десятилетий, и на сценических подмостках, да и в самой жизни как-то побледнел, поскуцунел, был вдруг вытеснен другим героем, более энергичным, особенно в вопросах меркантильных, жаждущим личного благополучия. Герой этот был явно несимпатичен Гронскому-максималисту. И он не скрывал этого. Именно в эти годы еще более возрастает его гражданская активность, Защита кого-то, незаслуженно обиженого, дать отпор чинуше и хаму. И этот долг он стремится исполнять не просто исправно, но с наибольшей отдачей.

И не с этим ли — стремлением к наивысшей отдаче — связано его обращение к режиссуре? Рамки актерской профессии вдруг оказались ему слишком ограниченными, чтобы в полной мере высказать все наблевшее. Ему нужна трибуна! И он обретает ее — народный ТЮЗ. И его спектакли «Они и мы» Н. Долинина, «Обелиск» Г. Мамлина, «Ночь после выпуска» В. Тендрякова, «Остановите Малахова!» В. Аграновского и другие — становятся страстными монологами, в которых он как режиссер обращается непосредственно к зрителю по самым главным вопросам, которые волнуют его как гражданина. Этим театром Гронский руководил более 15 лет.

Здесь же хочу сказать и о природе актерских удач Станислава Гронского этого периода, о ролях, сыгранных им на сцене краевого театра драмы. В основе их — не только его исполнительский дар, актерское мастерство, но и — как это ни покажется кому-то странным — как раз то, за что он не раз получал «шишки», в основе их его неизменная гражданская активность. Именно благодаря ей его такие непохожие внешне работы — и Ведерников в «Годах странствий», и Олег Баян в «Красной свадьбе», и король Филипп в «Тиле», и Цезарь в «Антонии и

Клеопатре», и многие другие — стали не просто добротными, но получили некий особый импульс, особую окраску личностного приятия или неприятия исполнителем существа своих героев. Гронскому как человеку и актеру свойственно сомнение — тот импульс, который не позволяет взять верх самоуспокоенности, удовлетворению.

Оглядывая пройденный наш герой творческий путь и вспоминая длинную вереницу его сценических созданий, вдруг со всей определенностью осознаешь, что не увидишь нам более оставшихся за неуловимой гранью горизонта его искрометного Збышека в «Морали пани Дульской», лирического Леонидика — в «Моем бедном Марате», стремительного Франка — в «Ночном переполохе», что так и остались неосуществленными (по не зависящим от актера причинам). И Хлестаков, и сын турецкоподданного Бендер, и многие другие роли, о которых он мечтал, к которым готовился...

К сожалению, никакие красочные описания, охи, ахи не помогут передать нам и сотой доли того, что принято называть подлинностью актерского существования на сцене. Можно лишь попытаться рассказать о каких-то личных впечатлениях от встречи с чем-то значительным. Но это — увы — будет совсем неадекватно актерскому созданию. Поэтому правы те, кто говорит: хотите узнать больше о вашем любимом актере — ступайте в театр, слушайте его, смотрите, он весь перед вами... Все тот же, знакомый вам и всегда чуждый иной.

— Неважно, из какого времени твой герой, неважно, в каких он одеждах. Важно, как он думает, что думает, как поступает! Созвучен ли времени? Правда, многое зависит не только от тебя, но и от тех, с кем ты сегодня работаешь, от твоего режиссер и твой ли он... Актер ведь от столького зависит. И надо иной раз идти даже против себя самого во имя желаемого результата.

А. ИВАЩЕНКО.

Краснодар.